

Лакоценина Н. М.

ВИНДИКАЦИЯ ОТ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

Аннотация. Предметом исследования являются различные правовые теории, ограничивающие возможность истребования имущества от добросовестного приобретателя. Важным представляется соблюдение баланса публичных и частных интересов в новеллах ГК РФ, регулирующих истребование имущества из незаконного владения (виндикацию). В подготовленном проекте изменений в ГК РФ имеются новеллы, касающиеся субъектов, обладающих правом на виндикацию. Возможность истребовать вещь из чужого незаконного владения (виндикационный иск) планируется предоставить лишь собственнику и обладателю ограниченного вещного права, включающего правомочие владения. Применялись общенаучные (сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение) и частнонаучные методы (формально-догматический, сравнительно-правового исследования и др.). Автором статьи сделан вывод о том, что следует расширить круг лиц, уполномоченных на подачу виндикационного иска, а также возможности виндикации имущества от добросовестных приобретателей. Данные предложения автора о расширении круга лиц, уполномоченных на подачу виндикационного иска, не выглядят чем-то невозможным.

Ключевые слова: незаконное владение, виндикация, неуполномоченный продавец, добросовестный приобретатель, должная степень осмотрительности, публичные торги, ответственность, организатор торгов, имущество, приобретатель.

Review: The research subject is the various legal theories limiting the possibility of reclamation of property from a bona fide purchaser. Based on the author of the article, it is important to balance public and private interests in the laws of the Civil Code of the Russian Federation governing the reclamation of property from illegal possession (recovery). The prepared draft amendments to the Civil Code contain laws concerning the subjects of the right to recovery. The opportunity to claim an item from the other's unlawful possession (vindictory action) is planned to provide only the owner and the holder of the limited proprietary right including the entitlement of ownership. In her research the author has applied general research methods (comparison, analysis, synthesis, abstraction and generalization) and specific research methods (formal dogmatic method, comparative law method, etc.). The author concludes that it is necessary to expand the circle of persons authorised to commit a vindictory action as well as the possibility of recovery of property from bona fide purchasers. These suggestions made by the author about expanding the circle of persons entitled to commitment of vindictory actions do not look like something impossible.

Keywords: the organizer of trading, responsibility, illegal possession, collection, unauthorized seller, bona fide purchaser, the proper degree of prudence, public auction, property, purchaser.

Вменяющейся финансово-экономической ситуации особую остроту приобретают проблемы правового регулирования вещных отношений и среди них — отношений владения. Очень важным представляется соблюдение баланса публичных и частных интересов в новеллах ГК РФ,

регулирующих истребование имущества из незаконного владения (виндикацию).

В подготовленном проекте изменений в Гражданский кодекс РФ ^[5] (далее — Проект) имеются новеллы, касающиеся субъектов, обладающих правом на виндикацию. Возможность истребовать вещь из чужого

незаконного владения (виндикационный иск) планируется предоставить лишь собственнику и обладателю ограниченного вещного права, включающего правомочие владения (п. 1 ст. 227 Проекта). Здесь можно дискутировать с авторами Проекта, поскольку далеко не все российские граждане обладают необходимым уровнем правовой грамотности. В связи с этим следовало бы предоставить право на виндикационный иск органам прокуратуры, следствия, общественным организациям, созданным для защиты прав граждан.

Исходя из анализа замкнутого перечня ограниченных вещных прав (п. 2 ст. 223 Проекта) к носителям активной легитимации на виндикационное притязание могут быть отнесены субъекты права постоянного владения и пользования земельным участком (эмфитевзис, гл. 20), права застройки земельного участка (гл. 20.1), права личного пользования (узуфрукт, гл. 20.3), права оперативного управления имуществом, относящимся к государственной или муниципальной собственности (гл. 20.7).

Относительно такого вещного права, как ипотека, в ст. 303.13 Проекта установлено правило, согласно которому невладельцу залогодержателю разрешается виндицировать предмет ипотеки во владение залогодателя, что является новеллой в природе иска, поскольку виндикация всегда предполагала восстановление нарушенного владения истца, а не другого лица, пусть даже и потерпевшего. Таким образом, наши предложения о расширении круга лиц, управомоченных на подачу виндикационного иска, не выглядят чем-то невозможным.

Иные владельцы, в том числе незаконные, для защиты своего фактического господства над вещью смогут воспользоваться владельческим (посессорным) иском, для реализации которого не требуется доказывать право на вещь (гл. 14 Проекта)^[6]. При этом общие условия ограничения виндикации в целях обеспечения интересов добросовестных приобретателей не претерпели особых изменений.

В свете реформы гражданского законодательства Российской Федерации предлагаем вновь обратиться к вопросу о наиболее справедливой модели соотношения интересов собственника и добросовестного приобретателя в ситуации отчуждения вещи неуполномоченным традентом (отчуждателем).

В истории цивилистики существовала совершенно понятная и четкая «теория неограниченной виндикации», или римский принцип, в соответствии с которым никакой приобретатель, даже добросовестный, не мог стать собственником в случае совершения сделки с неуполномоченным отчуждателем, однако при соблюдении ряда условий допускалась приобретательная давность (*usucapio*).

Позднее возобладала буржуазная по своей сути и аморальная по содержанию теория «защиты добросовестного приобретателя». В условиях формирования «первоначальных капиталов» необходимо было легализовать разбойничье накопление, когда формальная покупка от заведомо неуполномоченного отчуждателя порождала право собственности. Так, А. Менгер усматривал в нормах, защищающих добросовестного приобретателя против собственника, «победу коммерческого духа над существующим имущественным строем, торгового права над вещным правом», а Л. И. Петражицкий полагал, что ограничение виндикации «влечет за собой опасность случайного лишения имущества для ни в чем не повинных граждан и создает почву и мотивы для случайного обогащения...»^[4]. Современные исследователи также высказывали мнение о справедливости виндицирования вещи любым собственником от всякого приобретателя, что повысило бы авторитет и значимость собственности, уровень гарантии осуществления и защиты права собственности^[7].

В российском гражданском праве в настоящее время реализуется весьма спорная концепция «наименьшего зла». Она отражает компромисс интересов собственника и добросовестного приобретателя и проявляется в из-

вестном германском принципе «Handmuss Handwahren» (рука за руку отвечает), в соответствии с которым только вещи, вышедшие из рук владельца помимо его воли, могут быть виндицируемы от всякого третьего лица. Для наглядности рассмотрим модель правового регулирования последствий приобретения похищенного имущества.

В России хищение индивидуально-определенного имущества делает виндикационные притязания собственника практически абсолютными без каких-либо ограничений. Для сравнения обратим внимание на то, что в зарубежном законодательстве похищенные вещи при определенных обстоятельствах не могут быть предметом истребования со стороны потерпевшего лица.

К примеру, в Германии и во Франции похищенные вещи остаются во владении добросовестного приобретателя при условии, что они приобретены на публичных торгах (§ 935–937 ГГУ) или на рынке (§ 2280 ФГК). Особенностью немецкой цивилистики является то, что предпочтение в защите добросовестного приобретателя отдается только в отношении движимых вещей; недвижимость в принципе не виндицируется и права на нее гарантируются надежностью системы государственной регистрации прав в поземельных книгах.

Во Франции также есть юридические нюансы: для преодоления защиты добросовестного приобретателя и возврата вещи в свое владение собственник может уплатить ответчику денежную сумму в размере стоимости спорного товара [8]. На взгляд И. А. Покровского, усвоение принципа «Handmuss Handwahren» для оборота движимости и установление института поземельных книг для оборота недвижимости вызвано единой целью и проникнуто единой мыслью: обеспечить прочность гражданского оборота путем узаконения доверия к известным внешним фактам («Vertrauenaufaussere Thatsachen»). В обороте движимости все третьи лица вправе доверять факту нахождения вещи в чьих-либо

руках, вправе считать владельца собственником («enfaitdemeubleslapossessionvauttitre», как сказано в ФГК). В обороте недвижимости они вправе доверять тому, что записано в поземельной книге [3].

Подобные конструкции есть и в странах Латинской Америки. Исключение из виндикации составляют движимые вещи, владелец которых приобрел эти вещи на ярмарке, в магазине или ином аналогичном месте, где продаются подобные движимые вещи. В этих случаях владелец такой движимой вещи не обязан возвращать ее собственнику до тех пор, пока собственник не возместит ему покупную цену вещи, а также расходы на ремонт и улучшение вещи (ст. 954 ГК Эквадора; ст. 947 ГК Колумбии) [9].

Вместе с тем законодательство некоторых европейских стран постепенно реформируется в направлении расширения возможностей виндикации незаконно приобретенного имущества. Можно привести пример и из практики Верховного суда Швеции. Дорогие транспортные средства, используемые для строительных работ, были украдены из обладания государственной железнодорожной компании SJ. Четыре дня спустя они были куплены крупной строительной компанией Skanska у небольшой фирмы, которая специализируется на продаже такого оборудования. Суд установил, что Skanska действовала недобросовестно, хотя и не знала о хищении машин. Основным аргументом являлось то, что машина была очень ценной и поэтому от Skanska требовалась большая осмотрительность при совершении сделки. В июле 2003 г. шведское законодательство было изменено, и даже добросовестное приобретение краденого стало в принципе невозможным.

Таким образом, правило «добросовестной покупки» было заменено правилом «действительной собственности». При этом возможность собственника вернуть вещь ограничена сроком исковой давности, равным шести месяцам с момента, когда он узнал или должен был узнать о владении нарушителя.

Право собственника на возмещение стоимости будет недействительным, если покупатель десять лет добросовестно и непрерывно обладал краденым (§ 3–4 Закона Швеции о движимом имуществе) [2].

В некоторых странах СНГ применяется немецкая модель ограничения виндикации в случае добросовестного приобретения вещи на торгах: имущество не может быть истребовано у добросовестного приобретателя, если оно было продано в порядке, установленном для выполнения судебных решений (п. 2 ст. 388 ГК Украины; п. 3 ст. 261 ГК Казахстана; п. 3 ст. 375 ГК Молдавии). В Республике Беларусь (ст. 283 ГК РБ) правила защиты добросовестного приобретателя аналогичны российскому правопорядку [10].

Изложенное вовсе не означает, что в отечественной науке господствует только концепция «наименьшего зла». Сильны позиции и у тех ученых, которые активно поддерживали и поддерживают теорию неограниченной защиты «добросовестного приобретателя». В этом плане становятся весьма актуальными аргументы сторонников концепции неограниченной защиты добросовестных приобретателей. Анализ подобных взглядов дореволюционных зарубежных и отечественных цивилистов можно встретить в научных трудах профессора Б. Б. Черепяхина. Так, А. Кобан исходил из теории доверия к внешнему составу и внешней видимости права и писал, что «добросовестный приобретатель должен приобретать право собственности от всякого владельца и держателя, т. к. видимость права может быть и у продавца похищенной вещи, а не только у продавца вверенной вещи». По мнению Н. Елеонского, «если современными законодательствами уничтожена виндикация денежных знаков и ценных бумаг на предъявителя, то можно предложить, чтобы они потряхнули многовековое иго римского правила и не допускали виндикацию похищенных движимых вещей от добросовестного приобретателя». И. Н. Трепицын считал,

что «различие между вверенными вещами и вышедшими из рук собственника против его воли теперь уже не имеет оправдания, поскольку, если защищать собственников в случае кражи, то неизвестно, на каком основании оставлять их без защиты в случае присвоения и растраты; если защищать собственников в случае кражи как жертв посторонней злой воли, то непонятно, в связи с чем приходится их защищать в случае потери, когда они сами оказываются не вполне внимательными к своим же собственным интересам» [4].

Подобные рассуждения кажутся разумными. Действительно, приобретателю похищенной вещи весьма затруднительно установить порок в титуле отчуждателя, особенно на открытых рынках, публичных торгах. Тут упускается, правда, вопрос об ответственности организатора продаж за допуск на рынок сомнительных товаров.

Современная тенденция обеспечения устойчивости гражданского оборота, отражаемая в судебной практике [1], состоит в том, что акцент делается на добросовестности покупателя, а не на способе выбытия вещи из владения собственника. Явно несправедливой является виндикация вещи у добросовестного приобретателя, если собственник сам потерял вещь. Когда имущество выбывает из владения помимо воли собственника, следует, как было сказано ранее, оценивать добросовестность последнего продавца, чтобы не создавать безвыходную ситуацию для добросовестного приобретателя в ситуации эвикции товара. При этом несправедливо было бы требовать от недобросовестного продавца возмещения убытков, если он был защищен от виндикации в период своего владения предметом спора. Поэтому в отношении традента (отчуждателя), который не был уверен в своем праве на отчуждение, необходимо ретроспективно определить условия ограничения виндикации в целях установления возможности освобождения его от ответственности перед добросовестным

покупателем за эвикцию. Добросовестный-отчуждатель в силу своей субъективной безупречности в любом случае освобождается от притязаний акципиента (приобретателя), следовательно, установление в отношении такого отчуждателя обстоятельств ограничения виндикации не имеет юридического значения.

Таким образом, необходимо продолжить реформирование норм ГК РФ, посвященных защите прав добросовестных приобретателей. Следует предусмотреть протекцию для добросовестных лиц, завладевших на открытых рынках, на публичных торгах и в других

случаях, когда будет установлена добросовестность неуправомоченного отчуждателя, похищенными или иными выбывшими помимо воли собственника вещами, что пока не нашло отражения в Проекте.

Анализ ситуации с учетом интересов общества в целом позволяет согласиться со словами классика: «Нормы иногда как бы приносят принцип собственности в жертву принципу безопасности оборота («Sicherheit des Verkehrs»)), однако «не следует упускать из виду, что эта безопасность оборота, в свою очередь, повышает ценность права собственности и таким образом идет ему же на пользу»^[3].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. N 6-П «По делу о проверке конституционности положений п. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Складной, Р. М. Складной и В. М. Ширяева» // СЗ РФ. 2003. N 17. ст. 1657; постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». П. 35–43 // Вестник ВАС РФ. 2010. N 6.
2. Ohvall D. Economic Analysis of the Title to Stolen Personal Property: Master's thesis. Manchester, 2004. P. 15–16.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 201.
4. Черепяхин Б. Б. Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 239–271.
5. Проект федерального закона № 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <http://base.garant.ru/58064654/>.
6. Лоренц Д. В. Владельческая защита: зарубежный опыт, российская история и модернизация ГК РФ // Современное право. 2012. N 12. С. 50–56.
7. Тархов В. А., Рыбаков В. А. Собственность и право собственности. Уфа, 2001. С. 194.
8. Германское гражданское уложение (1896) (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) // <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/>; Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. В. Н. Захватаева. Москва; Берлин, 2012; Пятин С. Ю. Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учеб. пособие. М., 2011.
9. Гражданский кодекс Эквадора 1857 г. / Пер. с исп. В. М. Зайцева // Гражданское и семейное право развивающихся стран: Сборник нормативных актов: Гражданские кодексы стран Латинской Америки. М., 1988; Гражданский кодекс Колумбии 1873 г. / Пер. с исп. В. В. Безбаха // Там же.
10. Гражданский кодекс Украины (2003); Гражданский кодекс Казахстана (Общая часть) (1994); Гражданский кодекс Республики Молдовы (2002); Гражданский кодекс Республики Беларусь (1998)

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21 aprelya 2003 g. N 6-P 'Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii p. 1 i 2 st. 167 GK RF v svyazi s zhalobami grazhdan O.M. Marinichevoi, A.V. Nemirovskoi, Z.A. Sklyanovoi, R.M. Sklyanovoi i V.M. Shiryaeva' // SZ RF. 2003. N 17. st. 1657; postanovlenie Plenuma VS RF i Plenuma VAS RF ot 29 aprelya 2010 g. N 10/22 'O nekotorykh voprosakh, vznikayushchikh v sudebnoi praktike pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoy prava sobstvennosti i drugih veshchnykh prav'. P. 35–43 // Vestnik VAS RF. 2010. N 6.
2. Ohvall D. Economic Analysis of the Title to Stolen Personal Property: Master's thesis. Manchester, 2004. R. 15–16.
3. Pokrovskii I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M., 1998. S. 201.
4. Cherepakhin B. B. Yuridicheskaya priroda i obosnovanie priobreteniya prava sobstvennosti ot neupravomochennogo otchuzhdatelya // Cherepakhin B. B. Trudy po grazhdanskomu pravu. M., 2001. S. 239–271.
5. Proekt federal'nogo zakona № 47538–6 'O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu, vtoruyu, tret'yu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, a takzhe v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii' // <http://base.garant.ru/58064654/>.
6. Lorents D. V. Vladel'cheskaya zashchita: zarubezhnyi opyt, rossiiskaya istoriya i modernizatsiya GK RF // Sovremennoe pravo. 2012. N 12. S. 50–56.
7. Tarkhov V. A., Rybakov V. A. Sobstvennost' i pravo sobstvennosti. Ufa, 2001. S. 194.
8. Germanskoe grazhdanskoe ulozhenie (1896) (Burgerliches Gesetzbuch, BGB) // <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/>; Grazhdanskii kodeks Frantsii (Kodeks Napoleona) / Per. s fr. V. N. Zakhvataeva. Moskva; Berlin, 2012; Pyatin S. Yu. Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnykh stran: Ucheb. posobie. M., 2011.
9. Grazhdanskii kodeks Ekvadora 1857 g. / Per. s isp. V. M. Zaitseva // Grazhdanskoe i semeinoe pravo razvivayushchikhsya stran: Sbornik normativnykh aktov: Grazhdanskie kodeksy stran Latinskoj Ameriki. M., 1988; Grazhdanskii kodeks Kolumbii 1873 g. / Per. s isp. V. V. Bezbakha // Tam zhe.
10. Grazhdanskii kodeks Ukrainy (2003); Grazhdanskii kodeks Kazakhstana (Obshchaya chast') (1994); Grazhdanskii kodeks Respubliki Moldovy (2002); Grazhdanskii kodeks Respubliki Belarus' (1998)